

Консерватор, способный стремительно меняться

Столетие Джорджа Баланчина
будут отмечать
во всем мире, но особенно пышно
и торжественно – в Америке

Моск. вестник – 2004 22 янв. – С. 31.

Ю б и л е й

В США не сомневаются в том, что Джордж Баланчин (он же – Георгий Мелитонович Баланчивадзе, родившийся в Санкт-Петербурге и уехавший в 1924 году в Европу, а оттуда за океан) – величайший балетмейстер XX века, а может быть, и всех времен и народов. Для меня Баланчин, с которым я познакомился в Нью-Йорке в 1981 году, – это не только титан культуры, но и необыкновенно привлекательная личность. Мне посчастливилось сделать с ним книгу диалогов о Чайковском, изданную на многих языках. (В России она издана под названием «Страсти по Чайковскому».) Но мне также было интересно поговорить о самом Баланчине с его женами (Тамарой Жевержевой, Александрой Даниловой, Марией Толчиф, Верой Зориной) и рядом друзей. Среди последних был легендарный скрипач Натан Мионович МИЛЬШТЕЙН, один из ближайших приятелей Баланчина с молодых лет. Вот что он рассказал мне о своем друге. На русском языке эти воспоминания публикуются впервые.

– В Нью-Йорке я часто приходил к Баланчину в его балетную школу на Мэдисон-авеню. Там летали девочки, а Баланчин наблюдал за ними как ястреб, шмыгая носом. (Эта характерная привычка образовалась у Баланчина после того, как в молодости из-за туберкулеза у него вырезали одно легкое.) Замечания Баланчина, обращенные к ученикам, были всегда точными, по делу, без излишней цветистости. Он был образцовым педагогом, потому что знал, чего именно добивается.

Точность намерений порождает элегантность стиля. Вот почему движения, которые Баланчин выдумывал для балетов, выглядели неподражаемо элегантными. Вся баланчинская пластика – олицетворение изящества! И в жизни Баланчин любил элегантные вещи и одежду. Но я не назвал бы его модником. Для этого Жорж был слишком занят: ведь на его плечах засели две огромные организации – балетный театр и балетная школа. Да и характер у Баланчина был отнюдь не нарциссический. Но поскольку элегантность была в самой натуре Жоржа, он всегда выглядел как денди. Любая одежда сидела на Баланчине идеально, даже когда он позволял себе какую-то эксцентричность: например, вместо галстука – шнурок на шею на техасский манер. (Жорж обожал вестерны и ковбоев.)

От всей природы Баланчина веяло утонченностью, рафинированностью. Такая утонченность – вовсе не привилегия выходцев из высших классов. Обаяние Баланчина было огромным. На него невозможно было обидеться, хотя Жорж был очень прямой человек и никогда не уклонялся от того, чтобы высказать свое мнение. Он никогда

не сглаживал острые углы, не врал, запросто мог сказать резкость. Но даже когда Баланчин критиковал кого-нибудь, он не старался человека зарубить. Надо сказать, Баланчин, хотя и обожал музыку, на концерты ходил не часто. Он приходил ко мне, я ставил какую-нибудь пластинку, и он тихо наслаждался. Если ему не нравилось, Баланчин говорил: «Натан, хватит». И все, никаких дополнительных уничтожающих тирад.

Суждения Баланчина о балете – другое дело. Здесь Жорж мог быть беспощадным: «Это – блеф, то – дерьмо». Баланчин ни в грош не ставил танец-модерн.

Величайшим тансором и хореографом современности считал Фреда Астера. Популярны фильмы с участием Фреда Астера и Джинджер Роджерс Баланчин обожал, смотрел по многу раз, восторгаясь красотой Джинджер. Вот доказательство того, что танец не был для Баланчина каким-то заоблачным искусством. Фред Астер быстро вертелся, ловко прыгал, техника его была виртуозной. И он элегантно выглядел. В искусстве Фреда Астера Жорж не искал каких-то особенных глубин. Это был трезвый взгляд на культуру, без придыхания и ненужных слюней.

Вот почему Баланчин всегда отмахивался от критических статей, в которых его балеты анализировались с метафизических позиций. На критику он не обращал внимания, говоря: «Сначала меня глупо ругали, а сейчас глупо хвалят». (Действительно, сначала американские балетные обозреватели встретили Баланчина в штыки, а потом, когда он стал признанным мастером, восторгались любым его произведением.)

Я у Баланчина больше всего люблю его балеты на музыку Чайковского. Он даже дебютировал в Америке хореографической интерпретацией «Серенады» Чайковского. И, как это с тех пор случалось не раз, американские критики этот балет Жоржа сначала разнесли в пух и прах, а годы спустя превознесли до небес.

Меня же «Серенада» Баланчина – Чайковского очаровала с первого взгляда: она похожа на рассказы о любви Тургенева. Этот балет о романтической любви, но отображает он ее сдержанно, целомудренно.

Таким был и сам Баланчин. Он был очень чувствительный, но сдержанный. Я был его другом долгие годы, но всегда ощущал в нем какую-то тайну. И эту тайну Баланчин упрятал в свои балеты.

Баланчин обожал вкусно поесть. Многим рецептам он научился у матери еще в Петербурге. Но настоящим гурманом он стал, попав в Париж. То же и с музыкой. Жорж преклонялся перед Чайковским с детских лет. Но в Париже Дягилев и Стравинский утвердили его в этой любви, сделав Баланчина настоящим знатоком.

К созданию одного из балетов Баланчина на музыку Чайковского я имел некоторое отношение. Жорж часто приходил в нашу нью-йоркскую квартиру на Парк-авеню. У нас собиралось много народу. Баланчин

Баланчина вдохновляло именно данное тело, данный характер

сидел за роялем, наигрывал. Среди гостей как-то раз был знаменитый ювелир Клод Арпелс. Баланчин с Арпелсом разговорились, понравились друг другу и стали приятелями. Ювелир показал Баланчину свою коллекцию драгоценных камней. Жорж был в восторге! Это было вполне бескорыстное восхищение, чисто эстетическое. Ведь Баланчин был по происхождению грузином, а обитатели Кавказа обожают драгоценности. Баланчин все повторял: «Какие камни!»

И вот мы с моей женой Терезой стали Жоржа, как говорят русские, «заводить»: «Почему бы тебе не поставить балет о драгоценностях? Ведь такого еще не было!» Честно говоря, я не ожидал, что Баланчин когда-нибудь реализует такую идею. Она была немного иллюстративной. А Баланчин тяготел к абстрактным темам.

И вдруг Баланчин приглашает нас на премьеру своего балета о драгоценностях! Там были три части: «Изумруды», «Рубины» и «Бриллианты», с музыкой Габриэля Форе, Стравинского и Чайковского. Получилось что-то вроде омажа трем странам: императорской России, Франции и Америке. «Драгоценности» Баланчина пользовались колоссальным успехом у публики, билеты достать на них было невозможно. Арпелс был этим невероятно горд.

Баланчин творил в эфемерном медиуме. У него на этот счет не было иллюзий. Ведь абстрактные балеты Баланчина не были тем не менее абстрактными созданиями. Он сочинял их в расчете на конкретных танцовщиц.

Баланчина вдохновляло именно данное тело, данный темперамент и характер. Когда эти балеты танцуют новые исполнители, а самого мастера уже нет в живых, чтобы сделать нужные изменения, то какая-то доля очарования исчезает. Увы, это неизбежно.

Может быть, балеты Баланчина когда-нибудь и умрут, и это жаль. Но он оставил в наследство нашему времени не только свои балеты, но и свой моральный пример. Силу и цельность своего характера. Свою прямоту, принципиальность и бескорыстие. Свою скромность, но и уверенность в своих силах. Равнодушие к моде, славе, внешним признакам успеха – все это Баланчин. Безразличие к невежественной критике, презрение к жадным менеджерам – это тоже Баланчин.

И в искусстве Баланчина, помимо красоты его балетов, есть более общие уроки для всех нас. Это искусство с глубокими национальными корнями, но не замыкающееся в узких границах и открытое всему миру.

Баланчин был великодушным мастером, знатоком классической традиции, но он не переставал «раздвигать рамки», постоянно открывая новое.

Он был революционером, который создает, а не разрушает. Или, если угодно, он был консерватором, способным стремительно изменяться.

Соломон ВОЛКОВ